

— Какая же это благодать — лежать в своей постели, — с наслаждением выдохнул Ван Ин, растянувшись на кровати. — От этой тряски в повозке до сих пор спина ноет. Всё-таки дома лучше всего. Ты чего застыл? Ложись спать.

— А, да, сейчас, — спохватился Чэнь Цинъянь.

Он снял обувь и, скованный, словно деревянный истукан, лёг на кровать, боясь пошевелиться. Ван Ин сразу почувствовал неладное и коснулся его руки.

— Почему у тебя такие холодные руки? Замёрз, пока мылся?

— Нет...

Приподнявшись на локте, Ван Ин всмотрелся в его лицо, которое в полумраке казалось необычайно бледным.

— Тебе нехорошо? Может, позвать лекаря?

— Не нужно. Наверное, я просто немного устал.

— Тогда отдыхай. А я загляну на Экспериментальное поле, проверю, как там овощи. До Нового года осталось всего ничего, если сейчас не начать поставки, в этом году мы ничего не заработаем.

— Я помогу тебе.

— Отдыхай, я и один справлюсь.

Едва оказавшись на Экспериментальном поле, Ван Ин заметил, что полоска опыта заметно продвинулась вперёд. Странно, ещё несколько дней назад она стояла на месте. Неужели опыт начисляется автоматически, просто оттого, что он вернулся домой?

Времени было в обрез. Схватив серп, юноша принялся срезать лук-порей. Накануне вечером, на почтовой станции, они уже собрали часть урожая — те овощи, что могли храниться дольше: огурцы, помидоры и стручковую фасоль. Сегодня оставалось только срезать лук-порей и сельдерей.

Провозившись целый час, он собрал по несколько десятков цзиней каждого вида. За минуту до того, как система его выбросила, Ван Ин успел забрать все овощи. Спальня мгновенно

заполнилась ими. Десятки корзин загромождали всё пространство, не оставив даже свободного пятка на полу. У него не было сил на уборку. Он рухнул на кровать и тут же уснул, не заметив, что лежащий рядом человек так и не сомкнул глаз.

Чэнь Цинъяню было не до сна. Мысли неотступно возвращались к одному и тому же.

«Я был уверен, что давно пережил ту историю, — с горечью думал он, — но стоило младшему брату произнести имя того человека, как внутри всё вскипело от ярости».

Он до сих пор помнил тот день уездных экзаменов. Помнил, как экзаменатор нашёл у него шпаргалку, и мир рухнул. Тело обмякло, в голове звенела пустота, а сердце, казалось, остановилось. Сколько бы он ни молил, ни бился головой об пол, чиновник оставался непреклонен. Тот просто вычеркнул его имя из списка и ледяным тоном произнёс: «Мошенничество на экзаменах. Дисквалифицирован...»

«За что? Почему человек, погрязший во лжи, лишённый чести и предавший друга, смог сдать экзамен на сюэя?!»

Он относился к нему со всей душой, а взамен получил удар в спину. Чэнь Цинъянь помнил их первую встречу. У Чжан Шицю тогда не было даже приличной кисти — та единственная, что у него имела, от долгого использования совсем облысела. Он, не раздумывая, выбрал из своего пенала две лучшие кисти из овечьей шерсти и отдал ему.

Тогда глаза Чжан Шицю наполнились слезами. «Я не знаю, как отблагодарить тебя за этот дар, — сказал он. — Позволь мне, брат Янь, посвятить тебе стих. Пусть наша дружба будет вечной».

«Как же я был слеп! — Чэнь Цинъянь мысленно горько усмехнулся. — Поверил его красивым словам и принял за лучшего друга».

Цинъянь ворочался с боку на бок всю ночь, но сон не шёл. Боясь разбудить мужа, он тихонько встал, накинул одежду и вышел из комнаты.

***

На следующее утро Ван Ин проснулся рано. Чэнь Цинъянь уже сидел за столом и читал.

— Что так рано проснулся?

— Не спалось, вот и встал. Я связал все овощи в пучки, так что их можно будет сразу везти в лавку.

Ван Ин, натягивая одежду, подошёл и поцеловал его в щёку.

— Какой же у меня хозяйственный муж.

Чэнь Цинъянь едва заметно улыбнулся.

— В малой столовой для тебя подогрели кашу. Поешь и потом иди в лавку.

— Хорошо. Сначала только вынесу овощи.

Дуньцзы уже ждал за дверью. Втроём они довольно быстро перетащили все корзины в телегу, сделав вид, будто привезли товар из-за города — старая проверенная уловка. Позавтракав, Ван Ин вместе с Эршунем отправился открывать лавку.

Чэнь Цинъянь же направился в комнату, где занимался с учениками. Приближался Новый год, и в частной школе начались каникулы. В классе был только Чэнь Цинсун. Он проснулся ни свет ни заря и теперь усердно корпел над книгами.

— Брат, ты пришёл!

— Да. Продолжай читать.

— «Постижение искренности через просветление — это врождённая природа; постижение просветления через искренность — это учение. Где есть искренность, там будет и просветление; где есть просветление, там будет и искренность»¹, — продекламировал Чэнь Цинсун.

Услышав эти строки, Чэнь Цинъянь невольно снова подумал о Чжан Шицю.

— Ты вчера говорил, что познакомился с одним сюцаем. Его фамилия не Чжан?

— Да. Брат, ты его знаешь?

— Нет. Какие стихи вы читали на своей встрече?

— Да какой из меня поэт! Это они читали, а я так, для компании. Но стихи того сюцая Чжана были и впрямь хороши. Он прочёл «Созерцание снега», я даже выучил его наизусть.

Чэнь Цинсун откашлялся и начал:

— «Сижу и смотрю, как снег покрывает землю на целый чи, к вечеру он отливает холодным светом. Устав кружиться в небесах, он лениво опускается, но от малейшего дуновения ветерка вновь оживает...»

— «Нефритовые цветы падают, не жалея себя, запечатывая в нефрит бутоны сливы, лишённые аромата. Кто же сможет тонко раскатать их в тесто для танбина, чтобы заменить им земной вкус людских страстей?»² — закончил за него Чэнь Цинъянь.

— Брат, ты знаешь это стихотворение?

Конечно, он знал. Более того, они написали эти строки вместе, когда жили в уездном городе.

«А теперь Чжан Шицю без зазрения совести читает их перед моим младшим братом. Какая же толстая у него кожа, толще городской стены!»

— Брат, может, в следующий раз сходишь со мной на встречу с ним?

— Хорошо, — согласился Чэнь Цинъянь.

Он и сам хотел спросить, зачем тот его подставил. Наивный Чэнь Цинсун, не зная подоплёки, радостно захлопал в ладоши.

— Вот здорово! С твоим талантом ты их всех поразишь!

***

Тем временем Линь Цю и Линь Суй, позавтракав вместе с Чэнь Цинъюнь, отправились с ней в овощную лавку. Народу там было много. Ван Ин взвешивал овощи и не мог уделить им внимания. Он достал из денежного ящика связку монет и протянул её сестре.

— Твои двоюродные братья только вчера приехали. Возьми их, погуляйте где-нибудь.

— Сестра, возьми с собой Суй'эра, — сказал Линь Цю. — А я останусь и помогу двоюродному зятю.

Линь Суй, услышав это, тоже замотал головой.

— Если брат не пойдёт, то и я не пойду.

По дороге сюда Чэнь Жун много раз наставляла сыновей: на новом месте нужно быть услужливыми, трудолюбивыми и не доставлять хлопот, чтобы не вызывать неприязни. Оба мальчика были послушными и не хотели огорчать мать, поэтому вели себя очень осторожно. Чэнь Цинъюнь надула губы.

— Раз вы не идёте, то и я не пойду.

Ван Ин, кажется, понял их состояние. Он сам знал, каково это — жить в чужом доме. В детстве ему довелось несколько дней гостить у родственников, и он постоянно ловил на себе косые взгляды, боясь сделать что-то не так и вызвать недовольство. Поставив себя на их место, он решил дать детям возможность почувствовать себя свободнее.

— Тогда идите сюда, — поманил он их. — Поможете мне перебрать овощи.

В корзинах были подвявшие и подпорченные овощи, которые он вчера не успел перебрать. Теперь этим могли заняться дети.

— Хорошо! — в один голос ответили они и принялись за работу.

Сегодня в городе Циншуй была большая ярмарка. Наверное, из-за приближающегося Нового года улица уже к Часу Чэнь была забита людьми. Торговцы наперебой расхваливали свой товар, а покупатели толпились так плотно, что невозможно было протолкнуться.

В лавке тоже было не протолкнуться. За короткое время нахлынула целая толпа. Нашлись и такие, кто, пользуясь суматохой, хватал горсть овощей и прятал за пазуху. За утро поймали троих или четверых. Хорошо, что дети пришли на помощь, иначе они с Эршунем вдвоём бы не справились.

Ещё вчера вечером Ван Ин переживал, что набрал слишком много овощей и не сможет всё продать. Но не прошло и полдня, как лавка почти опустела. Почти половину товара скупили два ресторана. Пока хозяина не было, поставки свежих овощей прекратились, и заведениям пришлось вернуться к прежнему меню. Посетители, уже избалованные разнообразием, перестали к ним ходить, и дела пошли на спад.

Узнав, что Ван Ин вернулся, оба лавочника прислали своих работников дежурить у дверей, чтобы с самого открытия скупить свежий товар. Оставшиеся овощи, хоть и стоили дороже, тоже быстро разошлись. Перед Новым годом никто не скупился потратить несколько десятков вэней на угощение. Кто-то брал полцзиня, кто-то восемь лянов — так помаленьку всё и продали. К полудню все четыреста цзиней овощей были распроданы. Некоторым, кто пришёл позже, ничего не досталось.

У Ван Ина руки ныли от подсчёта денег. В прямом смысле. Старинные медные монеты были тяжёлыми, одна связка весила около восьми цзиней. От простого нанизывания монет на верёвку запястья болели. Хозяйка соседней лавки кунжутного масла, сгорая от зависти, пришла поглазеть.

— У тебя такая бойкая торговля, почему же ты так долго не открывался? Мы уж думали, ты совсем закрылся.

— Да что вы, как можно. К родственникам в уезд ездил, новогодние подарки отвозил, вот и задержался на несколько дней.

— Неудивительно. Последние дни многие заходили, спрашивали, когда откроется твоя лавка. Свежие овощи в городе только у тебя. Разбогатеешь!

Ван Ин уловил в её голосе кислые нотки.

— Что вы, тётушка. Вы видите, какая сейчас торговля, но не думаете о том, что это продлится всего полгода. Когда весной у всех на огородах вырастут свои овощи, кто ко мне пойдёт?

Женщина задумалась. И правда, летом у каждой семьи свои овощи, кто же станет их покупать?

— И что же ты будешь делать летом?

— Продавать фрукты и ягоды. Не держать же лавку пустой.

На самом деле у Ван Ина были другие планы.

«Когда потеплеет, начну продавать ледяную крошку. Экспериментальное поле — идеальный естественный морозильник: поставлю ёмкости, дождусь дождя, заморожу воду... и вот тебе бизнес без вложений».

Подошли новые покупатели, и Ван Ину стало не до разговоров. Он поспешил обслужить клиентов, продал по сниженной цене остатки овощей, а затем достал счётную книгу и принялся за записи. Сегодняшняя выручка составила семь связок и четыреста семьдесят вэней — почти столько же, сколько он зарабатывал за полмесяца.

До Нового года будет ещё одна большая ярмарка, и Ван Ин прикинул, что торговля в эти дни будет идти хорошо. Он решил нанять детей в помощь.

— Завтра снова придёте в лавку помогать? После Нового года я вам заплачу.

Линь Цю покачал головой.

— Не нужно денег. Мы с Суй'эром придём просто так.

— И я денег не хочу, — добавила Цинъюнь.

Ван Ин легонько щелкнул её по лбу.

— Хочешь или нет, а приходить придётся. Я один не справлюсь.

— Хи-хи-хи.

В это время в лавку зашли госпожа Ли и Чэнь Жун с едой. Помещение было пустым, на полу валялись лишь овощные листья.

— Это что, все овощи проданы?

— Да, — ответил Ван Ин, принимая у них корзинку с едой. — Сегодня ярмарка, народу много, вот и разобрали быстро. А где Цинъянь?

— Мы с твоей третьей тётёй решили прогуляться и заодно занести тебе обед, не стали его беспокоить.

После обеда, когда дел не осталось, госпожа Ли решила повести Линь Цю и Линь Суя в суконную лавку, чтобы купить ткани на новую одежду. Ван Ин достал из ящика три связки монет.

— Выбери что-нибудь хорошее для двоюродных братьев. И младшим тоже сшей по новому наряду.

Госпожа Ли отказалась:

— Не нужно твоих денег, я с собой серебро взяла.

— Берите. Если останется, вернёте.

Теперь, когда у него появились деньги, он не скупился на родных. Особенно на Цинъюнь и Цинсуна, которых любил как своих собственных брата и сестру. Госпожа Ли не смогла его переубедить и велела служанке взять деньги. Вся компания отправилась на прогулку по улице.

Ван Ин прибрался в лавке, запер дверь и пошёл домой. Он всё думал о том, что с Чэнь Цинъянем со вчерашнего вечера творится что-то неладное. Утром он заметил у него тёмные круги под глазами — тот, видимо, совсем не спал. Уходя, юноша в спешке не успел расспросить мужа, но теперь нужно было скорее узнать, что случилось.

<http://bllate.org/book/15812/1435637>